

Другой долг

День защиты детей — вызов к самосохранению каждого

Фото: Антон Новодережкин / ТАСС

14:52, 1 июня 2024,

Елена Бердникова

специально для «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Мне уже 28 лет, а в съемной квартире, где я живу, уйдя от мужа без внятных причин, в шуме и смоге мистической Сухаревской площади, разрывается, перекрывая «эмиент» радиостанции «Субстанция», городской телефон: «С Днем защиты детей!»

Этот День придумали женщины. Вторая мировая война едва закончилась, и 1 декабря 1945 года в Евразии, на материке почти тотального сиротства — миллионы детей без родителей, миллионы матерей, потерявших детей, — в Париже, почти единственной не разбомбленной европейской столице, собралась на свой первый конгресс Международная демократическая федерация женщин.

Президентом этой МДФЖ была француженка, физик Эжени Коттон, заместителем — Долорес Ибаррури, Пассионария испанской Гражданской войны. Легенда, слегка похожая — интенсивностью душевного накала — на мою крестную мать, также участницу войны.

24 июня 1963 года. Долорес Ибаррури (в центре) с делегатами Всемирного конгресса женщин в Кремлевском Дворце съездов. Фото: Владимир Мусаэльян / ТАСС

И та, и другая потеряли сыновей во Второй мировой. Пассионария — единственного сына Рубена Руиса Ибаррури (1920–1942), ротного Красной армии. Моя Анна — младшего сына Феликса (1941–1942), не вынесшего бегства из Закавказья, перипетий эвакуации через Каспий и вдоль предгорий Копетдага от неотвратимо, казалось в июле 1942 года, наступавшего вермахта.

Феликс Бердников. Баку. 1941 год. Фото: архив

Тому международному поколению женщин было бы что сказать сейчас — и аргументированно добавить к сказанному — по вопросу защиты детей. Несовершеннолетних страдальцев в Донецке и Харькове, Киеве и Луганске, Израиле и Палестине, в Йемене, Сирии, Ливии, в других городах и странах.

Женщины не разбирают территорий и прав. У них — другой долг.

Можно часто услышать слово «леваки». Международный день защиты детей и придумали именно леваки. Даже левачки. Та самая интернациональная демократическая федерация женщин.

В первый раз праздник отметили 1 июня 1950 года. В 1960-х интернациональные женские тусовки были редким случаем,

когда железный занавес поднимался, и солидарность была позволена: что возьмешь с девок и с дам?

В самом деле.

Только убежденность, что чужих детей нет, что они все — общие.

А люди религиозного сознания (кстати, в послевоенном мире было излишним оговаривать, что оно — не антипод левых взглядов) помнили и помнят, что все люди — дети. Всегда. Не по Фрейдю или Юнгу, а по факту вечной юности.

Раз уж вспомнили великую и страшную испанку Долорес, воспитанную в строгом католицизме,

как не вспомнить, что католики еще вернее православных чтут онтологическое, неотчуждаемое детство человека: настаивают на целибате священников лишь для того, чтобы те с еще большим правом и внутренним убеждением говорили «сын мой», «дочь моя» любому и каждой.

Детство — особенно младенчество — помнят и бунтари католицизма, полуеретики, прото-протестанты, если прибегнуть к каламбуру. Средневековый проповедник, доминиканец Мейстер Экхарт, сильно повлиявший на Мартина Лютера, часто говорил о том, что каждая душа должна родить в себе Христа. Что в смысле этого призвания все, даже мужчины (как еще понять его иначе?) суть матери самого чистого свойства. Впрочем, это традиционно, так близко к средневековому пониманию, что в каждом мужчине гнездится

еще и женское начало, с его великолепной воспринимающей силой. Творческой формой.

Православное понимание — пожалуй, из самых глубоких. Судите сами.

Икона Спаситель мира. XIX век. Урало-сибирская школа. Из фондов Курганского областного художественного музея

На местном, за Уралом написанном образе «Спаситель мира» (урало-сибирская школа иконописи, XIX век) Христос — не муж в расцвете лет, каков Христос на спорной — то ли кисть да Винчи, то ли не совсем — картине «Salvator Mundi». Наш Спаситель на провинциальной «доске» — даже не отрок. Он — младенец, каковыми считают в православной церкви всех до семи лет.

И как же этот Спаситель мира походит на стариннейший, какой-

то баснословно древний и точный образ бытия: «Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле». Гераклит Эфесский, ужасно давно, не то V, не то VI век до нашей эры; завязь средиземноморской классики, и философии, и всех манер, с помощью которых мы толкуем мир.

Это понимание бытия и Всего как младенца — наш исток. Так что невозможно не понять и обратное:

защита детства, любого и каждого, — не просто защита будущего, даже не выражение гуманности, не сбережение ростков человеческой нивы. Это оборона самого бытия, здесь и сейчас. Рубеж высшей и последней ценности.

«Война — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». Гераклит.

Горе тем, кого ни одна из почти тридцати идущих в мире войн не делает свободными.

С твоим Днем, читатель(ница)! С Днем защиты детей!

Фото: Наиль Фаттахов / ТАСС

Элегия дальней авиации

Звук дальней авиации. В окне,
В квадрате синем — нет, не самолеты,
А белый след. И так спокойно мне
Страдать бессонницей, когда не спят пилоты.
Уснули все. Ряды кроватей спят,
Покорны светлой магии сончасы.
Уже не два часа, еще не пять,
А — вечно три: лети и возвращайся.
Мы победили вечную войну.
И мерный гул — торжественностью мира
Подобен нашему торжественному сну
В руке Евразии. От Тикси до Памира
Мы разлеглись, как кошки или львы.
Нас окружил триумфом ордер римский,
И ради нас летит средь синевы

Хранитель наш, одолевая риски.

Там черный космос, тьма за синевою,
Там, видимо, гуляют марсиане.
Полдневный гул, но никогда — не вой
Сирен тревоги в дорассветной рани.
Вот то, что слышать были мы должны —
Все, и не только в Азии чудесной...
Сынов погибших воинов сыны
И дочери, и круг их близких тесный.
Но летчик тот ушел в эфир, и с ним
(И с нашим детством) кануло как будто
Органное гудение весны,
Великая победная побудка.
«Нет, больше никогда», «Нет, никогда».
Слепое заклинанье победивших
И побежденных — всех завет, кто в дар
Себя отдал, как жертвенные пищи.
Не «ради нас», а просто потому,
Что в зимний час, в полуночи сражений,
Предстали вдруг мы острому уму:
Уснувшие, бессонные блаженны.
Блаженны дети в горней их мечте,
В слеженье лайнеров, в ума благоговенье
Перед летящим ради них — и тем,
Кто под землей живет в подземной вене,
Ждет воскресенья, но незримо жив,
И — как и летчик — ангел и хранитель,
И не отдаст нас ни хите, ни лжи,
И, Мойрам равен, судеб держит нити
Своих потомков. Страшен их завет —
Тех, кто во тьме, кто дал себя залогом
Для бытия, кого как будто нет,
Но есть как собеседующий с Богом.
Прекрасны призраки. Но крайне тяжелы.

Они есть боль. Кровь говорит под спудом.
А кто летит, не ведающий мглы,
Он легок, как эфир, — живое чудо.

Хвала тебе, незримый часовой,
Звучащий хор, крещендо, раллентандо,
Сопутник ангелам, их тайнозритель войск,
Что пел над нами горько и гортанно
О кратком миге. Это был зенит...

Прощай, прощай... Ты памятен нам, юный
Или седой, дыханием весны
Космические создавший дюны
Из белых облаков.

Прощай, прощай.

О дальней авиации — ни слова.

И слышим гул мы, странно обнищав,
Как без зерна увядшая половина.

Где мы бы ни были, итог один — война.

То наши внуки замерзают в клунях

И на чужих вокзалах ищут сна

На багаже убогом, в складках, в дюнах

Другого бытия, в его щелях.

Разбег светил... Но гул — еще хранитель,

Еще живет им русская земля.

И, равны Мойрам, предки держат нити

Твоих судеб, моих и мировых.

Натяг их, беспредельно напряженный, —

На грани расторгенья, но не стих

Гул дальней авиации, груженной

Всем хаосом, который есть в земле

И над землей, но странно сберегает

Он тех, кто здесь залег среди полей,

Кто в колыбелях жизнь всепостигает.

Но страшна месть за тех, кого никто

Летящий по заоблачным пределам

Не мог спасти, кто жертвою на стол
В прозекторской залег под кровом белым.
За них встает всевидящий Господь,
Он сбрасывает самолеты с неба
И обнажает вдруг земли испод,
Грозней Аида, Нептуна и Феба.
Нам неизвестны имена Его,
Что б мы ни думали, какие бы мы нити
Ни низали имен прекрасных — о,
Как в синеву небес не гомонили б.
Одна догадка только — что Господь
На образе нам дан «Спаситель мiра»,
Что он младенец, шесть плюс-минус год
Ему всех лет. Средь синевы эфира,
Спадающей окутан простыней,
Стоит, держа обеими руками
Земли державу, Бог, Спаситель мой,
Он в нежности к Земле непререкаем.
Так берегитесь Господа-дитя
В любом из сыновей земли унижить.
Он держит Землю прочно, не шутя,
Хотя игрой соединяет нити
Ее судеб, таинственных путей
И наших троп, извилистых и частных,
Запоминает сны невзрослых тел:
Всевластное — божественно-безвластных.
Он летчикам всех дольных стран земли
Верховный командир. Он — смысл дозора:
Игру земную, охраняя, длить
Он повелел. Он наказует вора.
Кто притязает вырвать эту власть
Из рук его младенчески-некрепких,
Тот обречен, упорствуя, упасть
Низверженным с высот дерзаний редких.
Но вечно нов зиждительный покой.

Полувеселый и полупечальный,
Детсадовец, в сончас полунагой,
Царит над авиациею дальней.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Я не знаю, что они могут сделать»](#)

Две истории из жизни «несогласных» школьников
в современной России

10:10, 22 апреля 2024, Ирина Лукьянова